

Сож. Когда пришли в Климовичский лес, там были партизаны из других деревень. В это время и был организован отряд «Чапай».

Мы готовились к переходу линии фронта. Заготовливали продукты, отбивались от карателей, а главное – вели разведку.

Осенью 1942 г. отряд «Чапай» и десантная группа «Кочубей» вышли в путь для перехода линии фронта... Мы вышли на Большую землю в Смоленской области, Ильинский р-н, около города Ильино.

На Большой земле отряд прошел проверку и сортировку.

Я, Раковский Игорь, Давыденко Семен, Давыденко Жорж попали в диверсионную школу... В школе мы учились два или три месяца, а в декабре нас разбили по отрядам.

Я, Давыденко Семен, Давыденко Жорж, Ваня (фамилию забыл) и Виктор из Витебской области (фамилию не знал) попали в одну группу под командованием Давыденко Семена и были направлены с заданием в Кричевский район для организации партизанского отряда в треугольнике железных дорог Кричев—Могилев—Орша.

Раковский Игорь попал в партизанский отряд, кажется, Шляхтунова, но переходили линию фронта мы вместе, по озеру Сенницкое, а затем на оккупированной немцами территории наша группа из 5 человек ушла из Могилева, а отряд Шляхтунова – в другое место, как я слышал, в Западную Беларусь.

*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
Ф. 1393. Воп. 1. Спр. 23. Л. 117–121.*

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

З успамінаў А.П. Крупадзёравай, маці А.М. Крупадзёрава

...Когда арестовали Толю, то пришел начальник карательного отряда Иосенко и черный полицей Семенов. Они сказали, чтобы я отдала пулемет. Я сказала, что пулемета нет, хотя знала, что пулемет был на чердаке возле комина. Мы с сыном Иваном спрятали его в картошке сразу после ареста Толи. Тогда меня поставили к стенке дома и нача-

ли стрелять из пулемета. Носенко кричал: «Что ты, старая падла, брешешь. Мы Ивана Брыкова три раза так били, что он сказал про пулемет и что он его с твоим сыном чистил».

Били очень крепко меня. Потом начали грабить. Забрали все. Потом снова ставили к стенке: «Становись, сука, к стенке, воспитала партизан». И снова стреляли по мне Семенов и Носенко. Носенко взял мой очень хороший большой платок и сказал: «Это, господин Семенов, хороший платок вашей жене». Семенов ответил: «Не прибирайте своих жен в чужие платки – плохая примета».

В тюрьме ребят на допросы водили, а оттуда зверски избитых тянули назад. В тюрьме к полицая Лядову без самогонки не подойдешь, передачу не возьмет. Да и Носенко, когда искал у нас пулемет Дегтярева, нашел куриные яйца и тоже закричал: «Давай, старая падла, соль». А у меня и без него было дома девять беженцев из Вязьмы.

Ребята готовили побег из тюрьмы. Им помогал следователь, он был из Пропойска, но слова не сдержал. У нас в Коренце тогда царил полинейская банда Цуриковых, ничего не достать было. Собирала я на болоте ягоды, продам их, куплю хлеба и несую Толе в тюрьму.

На мосту и возле тюрьмы полицаи всегда кричали: «Что ты партизанам еду носишь в тюрьму». У Романа из Полошково родственник был бургомистр деревни и он сказал, что ребят расстреляли не в Климовичах... Про наш пулемет я сказала партизанам...

З успамінаў П.В. Недасека, жонкі І.П. Брыкава

...Однажды муж в 1942 г. попросил меня пойти в Каменку и взять с собой ваты, бинтов, марганцовки, стрептоцида и марли. Я не хотела идти, а он мне говорит: «Идем, сегодня уйдет твой брат Миша с партизанами» (он не вернулся, погиб в партизанах). Муж говорит: «Партизаны придут за полицейскими». С ними были Свистунов Леон

и Фридман, два брата. По соседству с нами жил жестокий полицай. Я видела, как партизаны окружили хату полицая, к ним на улицу вышел Иван. Так был казнен изменник Захар Иванов...

...Паек, который ребята складывали вместе и относили своим друзьям в поселок Кричевского цемзавода, состоял из жупуна хлеба, немного повидла, соли, сахара и иногда немного масла. Передачу пайка они объяснили тем, что у их друзей военнопленных, ставших примаками, есть семьи, дети и им нужна помощь. А ведь на цемзаводе был еще и огромный лагерь военнопленных. Свои пайки ребята ездили получать в Рославль, а там в лесах тоже было много партизан.

Пайки на цемзавод возили Толя Круподеров и Иван Брыков по очереди.

В октябре или ноябре 1942 г. ребятами была взорвана будка. Я это определила по тому, что они вдвоем – Брыков и Абабкин, пришли ко мне в дом мокрые, все исцарапанные.

У Абабкина была разорвана рука между указательным и большим пальцами, а у Брыкина – большая заноза на шее. Я обработала, но забинтовать ни один не дал, сказали, что нельзя, надо идти на работу. Не успели они уйти от меня, как прибежала мать Абабкина и говорила, зачем я им всю ночь разрешаю играть в карты в такое время. Приходила и мать Ивана Брыкова, и просила меня, чтобы я его ругала, чтобы он не ходил по ночам. Их уже раз арестовывали вместе с отцом, пускай молят Бога, что выпустили. Но если второй раз попадутся, то их уже не выпустят.

Однажды утром в марте или апреле 1943 г. я зашла в лагерь военнопленных. Незаметно для всех залез ко мне в карман халата один военнопленный – повар, мне помнится, фамилия его Ильенков. Я обошла всех военнопленных, вышла на улицу, там ждал меня муж Брыков. Я спросила, что это значит, что ко мне в карман халата залез повар. Он сказал: «Ничего, он просто так». А на завтра, после этого «просто так» из лагерей, со стороны кухни, ушли 13 человек, а на второй день – 9 военнопленных.

...Бывший военнопленный Коренецкого лагеря, впоследствии партизан Юденков (кажется, Николай, родом со Смоленщины) после освобождения приходил ко мне домой, чтобы посмотреть маленького сына. Я ему рассказала, что на последнем свидании Иван Брыков просил, что если будет сын, я должна назвать его Виталием, а если дочь – Светланой. Еще на первом свидании, в Кричеве, Брыков сказал мне: «Передай от нас старику Бородуле благодарность за то, что он нас продал; и от моего имени поблагодари эту старую собаку». Бородулин работал у немцев дорожным мастером и ему подчинялась вся бригада ремонтников путей, в которой числились все подпольщики.

Николай Юденков мне рассказал, что побег осуществили после того, как повар вынул у меня из кармана записку, в которой было указано, как уходить, скольким людям, где находится оружие в лесу под хворостом и где встреча с партизанами...

...Я несколько раз видела, как вели с допроса наших подпольщиков. Даже такие физически сильные и рослые ребята, как Брыков, Витюгов, Борохов, Николайченков были настолько изуродованы, что с трудом передвигали ноги. Толя Круподеров был избит страшно, но особенно зверски избивали Володю Абабкина. Он не мог держать руки и голову прямо, все лицо и голова были в крови. Передавали, что на допросах Володя всегда говорил наперекор гестаповцам и это приводило их в бешенство.

Расстреляли их за девять дней до прихода наших войск, в Выдренке, недалеко от Климовичей. После их расстрела дня через два была взорвана железная дорога от Унечи и далеко за Кричев. Об этом мне говорил после Юденков, что они не знали ни об их аресте, ни о расстреле, а когда узнали, решили отомстить за их смерть.

*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
Ф. 1394. Воп. 1. Спр. 23. Л. 49, 50, 55–58.*

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.